

ИССЛЕДОВАНИЯ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

УДК 94(438).071

Басов И.М.¹

**ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОЙ ЦЕНЗУРНОЙ ПОЛИТИКИ
В ОТНОШЕНИИ ПОЛЬСКОЯЗЫЧНЫХ ИЗДАНИЙ
В 30-50-Е ГОДЫ XIX ВЕКА**

Санкт-Петербургский государственный университет

Basov I.V.

**TRENDS IN THE DEVELOPMENT OF RUSSIAN CENSORSHIP POLICY IN
RELATION TO POLISH-LANGUAGE PUBLICATIONS IN THE 1830-50S**

Saint Petersburg State University

Реферат: *Рассматривается политика российских цензурных ведомств внутренних губерний в отношении изданий на польском языке в период действия Устава о цензуре 1828г. На материале документов Главного управления цензуры и региональных цензурных комитетов предпринимается попытка отследить тенденции развития «польского вопроса» внутренней политики в срезе книжной цензуры. В центре внимания при этом оказывается не реальное положение дел в печати, а декларируемые цели и методы цензуры, их перцепция на уровне Главного управления и региональных комитетов.*

Ключевые слова: *история цензуры, цензура в России, Главное управление цензуры, польский вопрос, запрещенные издания.*

Abstract: *The article examines the policy of the Russian censorship departments of the internal provinces in relation to publications in the Polish language during the period of the 1828 Censorship Charter. Based on the documents of the General Directorate of Censorship and regional censorship committees, an attempt is made to track the development trends of the "Polish question" of domestic politics in the context of book censorship. The focus of the study is not on the real situation in the press, but on the declared goals and methods of censorship, their perception at the level of the General Directorate and regional committees.*

Keywords: *the history of censorship, censorship in Russia, General Department of Censorship, Polish question, prohibited editions.*

¹ **Басов Иван Михайлович** – магистрант института истории Санкт-Петербургского государственного университета, vbim17@yandex.ru

«Польский вопрос» является важной составляющей внутренней политики Российской империи XIX в. В ходе разделов Речи Посполитой российская корона получила 5.5 млн. новых подданных, большинство которых было польскоязычными [30, с. 20]. У административного аппарата возникло множество проблем, среди которых - необходимость цензурирования многочисленной польской печати. К концу XVIII в. светская цензура в России не имела стройного институционального оформления, однако уже в 1804 г. вступил в силу первый Устав о цензуре, запретивший печать, а также распространение и продажу печатной продукции без рассмотрения цензуры.

До 1828 г. цензурированием польскоязычных изданий вне Царства Польского занималось преимущественно цензурное ведомство в Вильне. Виленский университет, на базе которого был сформирован комитет цензуры, располагал кадрами, равно владеющими русским и польским языками. Благодаря этому на территории Виленской губернии был возможен легальный выпуск местной польскоязычной прессы. Так, в первой четверти XIX в. здесь издавались журналы „Wiadomości Brukowe”, „Tygodnik Wileński” и множество неперIODических изда-

ний на польском языке. В то же время в Петербурге до конца 20-х гг. XIX в. не было необходимости осуществлять регулярный надзор над местными польскоязычными изданиями поскольку таковых не было. Попытки представителей польской диаспоры в Петербурге учредить газету или журнал наткнулись на невозможность получить разрешение в Департаменте народного просвещения. Так, ходатайство доктора прав М.Ф. Маркиановича (16 апреля 1819г.) о разрешении ему издавать журнал «Русский инвалид» или «Военные ведомости» на польском языке было отклонено с формулировкой «в связи с незнанием цензорами Санкт-Петербургского цензурного комитета польского языка» [10, л. 2]. Несколькими годами позже Адам Мицкевич безуспешно добивается разрешения цензуры на издание в Москве литературного журнала «Ирис» [33, с. 88]. К 1828 г. ситуация изменилась, и инициатива издания газеты „Tygodnik St.Petersburgski” была поддержана Главным управлением цензуры (далее – ГУЦ) [25, л. 1]. Спустя два года начал издаваться юмористический журнал „Bałamut”, унаследовавший стиль и даже авторский состав виленского „Wiadomości Brukowe” [31, с. 142]. Учреждение данных периодических изданий в столице го-

ворит нам о привлечении в штат цензоров людей, владеющих польским языком.

Особое внимание к польскоязычным изданиям привлекло Ноябрьское восстание 1830-1831 гг. По выражению М.К. Лемке, «польские дела увеличили тревожное состояние правящих сфер до того, что слово „дерзость” в приложении к литературному произведению стало положительно доминирующим» [6, с. 65]. Неслучайно в польской историографии закрепилось представление о том, что системная политика русификации со стороны Российской империи была инициирована в ответ на Ноябрьское восстание [29, с. 178]. В первую очередь это коснулось территорий Царства Польского, где под цензурный запрет попала вся литература, напечатанная в месяцы восстания [28, с. 222]. Полиция до 1834г. проводила периодические проверки типографий и книжных магазинов на предмет наличия у них повстанческой литературы [34, с.81]. Впрочем, и на территории западных губерний мы можем с этого момента фиксировать повышенное внимание к польскоязычной печати. Симптоматично на этом фоне оживление деловой переписки, идущей от низших цензурных инстанций к высшим, с требованиями разъяснить регламент или вынести вердикт по спорному делу. Как можно судить

по описям фонда ГУЦ, эта переписка активизируется в периоды 1830-1831 и 1848-1849 гг. Здесь может иметь место как отсутствие у цензоров твёрдой уверенности в правильном понимании политического курса, так и нежелание цензоров брать на себя ответственность в спорном решении. В то же время цензурные решения этого периода косвенно иллюстрируют позицию властных структур как в вопросе освещения событий политических выступлений, так и во всеобъемлющем вопросе национальной политики.

Рассмотрим одно из таких обращений, содержащихся в фонде ГУЦ. 9 марта 1831 г. попечитель Санкт-Петербургского учебного округа К. Бороздин пишет письмо генерал-лейтенанту Гогеллю с просьбой прояснить, откуда последним были заимствованы статьи «Состояние польских финансов» и «Состояние польских сил» [13, л. 1]. Также попечителя интересовало кто автор перевода, и к какому времени относятся означенные статьи. В ответном письме Гогелль указывает, что он самостоятельно перевёл эти статьи из немецкоязычного журнала, и что они относятся к современному периоду. «Но не знал, благоугодно ли будет правительству, дабы подобного рода сведения при настоящих обстоятельствах обнародованы были», - пишет генерал-лейтенант. Обстоя-

тельства, о которых он пишет, делают невозможным вынести вердикт по статьям на уровне попечителя учебного округа, поэтому дело о рассмотрении статей оказывается в ГУЦ. Ведомство затрудняется вынести окончательный вердикт, поскольку «одобрение подобных сведений находится в распоряжениях правительства мятежников ... [в то время как] военные действия против последних продолжаются» [13, л. 2]. В итоге ГУЦ выносит рекомендацию отправить статьи на рассмотрение Государю Императору [13, л. 4]. 10 марта 1831 г. действительный статский советник Буткаев заключает следующее: «Не нахожу повода воспрещать напечатание обеих сих статей ... и таковое мнение мое имею честь представить Его Светлости Господину Министру Народного Просвещения» [13, л. 5]. Однако в свою очередь министр князь К. Ливен в письме генерал-лейтенанту Гогеллю от 23 марта пишет, что «при известных обстоятельствах статьи не могут быть напечатаны без особого высочайшего на то соизволения ...; велю испросить разрешение Государя Императора» [13, л. 7]. Таким образом, статьи были переданы главному моральному авторитету империи. С одной стороны, статьи явно не имели нежелательного содержания (иначе не было бы подобной неоднозначности в оценках), но с

другой – был нежелателен сам факт обсуждения революционных реалий с каких-бы то ни было позиций. На момент 1831 г. тактику официальной печати можно охарактеризовать как «замалчивание» и «перестраховка». К последнему относится тот факт, что в 30-е гг. XIX в. на территории западных губерний запрещалась даже та литература, которая прошла цензуру в Царстве Польском и имела там легальное хождение [36, с. 10]. Всякое упоминание о польских повстанцах в прессе некоторое время табуировалось [5, с. 183]. В дополнении к этому Николай I в 1831 г. тайным указом повелел установить осмотр на границе всех приезжающих лиц (независимо от социального статуса) под видом общего таможенного распоряжения [14, л. 3]. Эти меры были предприняты в ответ на поступающие данные о контрабанде в Россию с территории Царства Польского запрещенных печатных изданий. Министр финансов Д.А. Гурьев замечает – «огласка неудобна» [14, л. 4]. Только к лету 1832 г. в Варшавский цензурный комитет была возобновлена отправка периодически обновляющихся списков запрещенных книг, и более-менее налажено взаимодействие комитетов [16, л. 2].

При этом повышенное внимание к польскоязычной печати не застраховывало цензоров от ошибки.

Можно привести пример с длительным разбирательством по делу о публикации книги на польском языке „Pamiętki starego szlachcicu Litewskiego”. По замечанию графа Перовского, книга содержала «многие неуместные рассуждения» [24, л. 1], что не помешало ей быть разрешенной к публикации Виленским цензурным комитетом. После долгих поисков виновных в пропуске граф С.С. Уваров призвал виленских чиновников строже относиться к любым изданиям на польском языке [24, л. 32].

Расширение службы перлюстрации, наметившееся при восшествии Николая I на престол, получило в 1830 г. новый толчок. В связи с восстанием Литовскому и Московскому почт-директорам было предписано направлять корреспонденцию из Царства Польского в Санкт-Петербургский почтамт, однако после подавления мятежа перлюстрация писем отдельных лиц на польском направлении не была прекращена [3, с. 169]. Показательно, что в докладе графа В.Ф. Адлеберга Николаю I от 16.04. 1850 г. западные окраины Российской империи очерчены как регион наибольшей нестабильности («...бдительный надзор за получаемой в России иностранною и, в особенности из Галиции и Познани, а также из Царства Польского корреспонденцией» [3, с. 176]).

В дополнении ко всему события 1830-1831 гг. кардинально повлияли на формирование стереотипа о поляках [27, с. 101] и, как следствие, на перцепцию охранительными ведомствами «польской темы». В первые годы после Ноябрьского восстания на территории западных губерний не было зарегистрировано ни одного нового польскоязычного издания, хотя соответствующие прошения были. Так, прошение студента обоих прав Михаловского издавать журналы „Goniec Damski” и „Biblioteka dla Dam”, сопровождающееся рекомендациями и подробным описанием содержания изданий, было отвергнуто Санкт-Петербургским цензурным комитетом. Выписка с заседания комитета гласит: «Михаловский не представил достаточных удостоверений в благонадежности» [17, л.5]. При этом журнал не предполагал политической повестки, и попечитель Санкт-Петербургского учебного округа К. М. Бороздин предварительно счёл представления Михаловского достаточными [17, л. 1]. Впрочем, отказ в прошении соответствует пункту Устава 1828 года, согласно которому «право издания повременного издания может быть представлено только человеку... известному на поприще отечественной словесности» [9, с. 561].

К польской печати относились подозрительно не только в Петер-

бурге. Фонд ГУЦ знает примеры инициативы на местах, которые говорят об общем настороженном отношении органов власти к польской печати. Так, 10 апреля 1835 г. Виленский военный губернатор отправляет прошение в ГУЦ с требованием немедленного допроса студента Дерптского университета Римкевича и установления над ним надзора [19, л. 1]. Причиной тому стала поступившая информация о распространении студентом «возмутительных книг». Судя по тексту прошения, полиция допросила Римкевича и его сестру, провела обыск в доме и в книжном магазине, где студент предположительно приобрел книги [19, л. 3]. Несмотря на существование сведений о целом канале контрабандной литературы, никакой заговор полицией раскрыт не был, а у Римкевича было изъято всего несколько трактатов по военной истории Польши и некие «5 книжек с портретами генералов мятежных польских войск» [19, л. 2]. В связи с неудачей обысков губернатор требовал «принять строжайшие меры по прекращению продажи книг, запрещенных и возмутительных, кои производят явно вредное влияние на умы молодых людей, в Дерпте обучающихся, питая в них *польский дух вольнодумства*, тогда как сия пагубная склонность за дальним отсюда местопребыванием долженствовала

вовсе исчезнуть» [19, л. 1]. Такая лексика на наш взгляд свидетельствует об определенном усвоении консервативной частью российского общества 30-х гг. XIX в. негативного образа поляка-революционера. Не удивительно на этом фоне, что в своём отношении к польскому восстанию объединился весь спектр интеллектуальной жизни тогдашней России – от А. С. Пушкина со стихотворениями «Клеветникам России» и «Бородинская годовщина» до П.Я. Чаадаева, написавшего эссе «Несколько слов о польском вопросе». Польский бунт как конституирующее Иное русской идеи воплощается в том числе и в цензурном делопроизводстве.

Другим примером инициативы местной власти может служить дело подольского помещика Ивановского, у которого подольским гражданским губернатором были изъяты некие «сомнительные книги» [18, л. 2]. Книги отсутствовали в реестре запрещенных, но были опознаны губернатором как таковые, потому что они были на польском языке [18, л. 2]. После проведенной проверки комитет постановил, что эти книги (преимущественно XVIII в.) «не подлежат не только запрещению, но и рассмотрению цензуры», так как давно ходят в печати и безобидны [18, л. 3]. То, что гражданский губернатор счёл книги сомнительными

только за тот факт, что они были написаны на польском языке, красноречиво свидетельствует об усвоении стереотипного образа.

Особое подозрение охранительных ведомств вызывали исторические трактаты на польском языке. С точки зрения имперской цензуры традиционное изложение польской истории было некорректным, поскольку содержало образы республиканского правления и широких прав дворянства. По этой причине большое число запрещенных польскоязычных изданий – это именно трактаты по польской истории. Например, рукопись графа Бержинского «Исторический очерк о польском дворянстве». 25 апреля 1838 г. Санкт-Петербургский цензурный комитет в отношении неё приводит следующую характеристику: «в ней излагаются между прочим права и преимущества большого польского дворянства, права Сеймов и сеймиков, имевших столь сильное влияние как на самих королей, так и на правительство» [21, л. 1]. В результате ГУЦ «нашло неудобным печатать сочинение графа» [21, л. 2]. Другой пример – дело о рукописи „*Obraz dziejów Polskich*”, опубликованной в 1828 г., но в 1844 г. принятой на рассмотрение Виленского цензурного комитета, поскольку «некоторые места ... показались сомнительными по обстоятельствам места и време-

ни» [23, л. 1]. Вердикт цензора, осуществлявшего разбор этого сочинения, гласит: «Автор принадлежит к числу писателей, которые не могут ни расстаться с предубеждениями в пользу так называемого независимого состояния Польши, ни забыть её падения» [23, л. 5].

3 мая 1838 г. ГУЦ было принято на рассмотрение дело о напечатанной в Вильне партии Евангелий: «Графом Бенкендорфом получена была напечатанная в Вильне книга „Евангелии в том числе и на дни Покровителей Короны Польской и Великого Княжества Литовского” без прибавления даже слова *бывших*, каковое основание может дать всякому из поляков понятие существования Королевства Польского и Великого Княжества Литовского отдельно от России» [22, л. 1]. Прежнее изложение польской истории стало неприемлемым ещё и потому, что оно содержало представление о Польше как о независимом политическом организме. «Господин министр ... отозвался, что в отвращение, по возможности, распространения вредных суждений, особенно между легковверными в Западных губерниях, ... постановить, чтобы светская цензура в Литве имела строгое, рачительное внимание за ... книгами даже и духовного содержания» [22, л. 1]. Прозрачно понятно, что потенциально опасные «легко-

верные» - это многочисленное польскоязычное население Западных губерний. Также примечателен в этом документе семантически схожий оборот «сочинения, могущие неблагоприятным людям дать повод разсеять превратные толки» [22, л. 1].

Большинство тенденций цензуры польскоязычных изданий в 30-50-е гг. XIX в. можно отследить на примере истории журнала „Tygodnik St. Petersburgski”, ставшего на два десятка лет не только рупором консервативной польской интеллигенции Петербурга, но и проводником имперской идеи для польскоязычных граждан Российской империи.

Из прошения титулярного советника Осипа Пржецлавского от 8 октября 1829 г. мы узнаем о разрешении на издание журнала, выданном ГУЦ Николаю Малиновскому. Пржецлавский просит «разрешить издание журнала Tygodnik на основаниях, предначертанных Малиновским, и начальством уже одобренных» [25, л. 1]. По всей видимости прошение Малиновского было одобрено годом ранее, и связано с учреждением Комитета цензуры иностранной [11, л. 1]. Из переписки О. Пржецлавского с Санкт-Петербургским цензурным комитетом мы узнаём об обеспокоенности комитета вопросом «намерен ли журнал издавать политические известия» [11, л. 6]. Оттуда же мы полу-

чаем информацию о желании Пржецлавского опубликовать сводку мировых новостей (в т. ч. политических) и об «основаниях, предначертанных Малиновским», заключающимся в требовании опубликовать только «извлечения из *внутренних* журналов и газет».

Дело об основаниях публикации было отправлено в Министерство народного просвещения при посредничестве попечителя Петербургского учебного округа Константина Матвеевича Бороздина [25, л. 6]. Этот факт примечателен тем, что после Ноябрьского восстания такое посредничество будет невозможно – всеми вопросами, касающимися редакции этого журнала, будут заниматься исключительно ведомства цензуры. Министр народного просвещения князь Карл Андреевич Ливен налагает на Пржецлавского «обязанность означать в журнале, *из каких именно* в России водимых журналов и газет заимствованы политические известия». Таким образом обязательство редакции заниматься, по сути, компиляцией информации из проверенных источников, дополняется требованием указывать для читателей эти источники. Судя по журналам министерских заседаний (2 и 26 ноября 1829 г.), длительное бюрократизированное обсуждение оснований публикации Tygodnik'a не обошло стороной и

фигуру О. Пржецлавского: «признавая, ... что Пржецлавскому может быть представлено издание журнала... известия должны быть заимствованы только из выходящих в России журналов и газет» [11, л. 9]. Надо думать, что цензура небезосновательно видела в этой кандидатуре опору, поскольку Пржецлавский зарекомендовал себя пятилетней службой в канцелярии МВД и мог считаться лояльной режиму персоной. Впоследствии оправдавший ожидания титулярный советник О. Пржецлавский станет уполномоченным представителем ГУЦ от Царства Польского [8, с. 86].

Дальнейшее делопроизводство по журналу „Tygodnik” включает в себе конкретизацию понятия «внутренние издания». Санкт-Петербургский цензурный комитет, ещё в 1828 г. обязавший редакцию печатать известия из ограниченного круга источников, приводит список, в котором, кроме прочих «внутренних изданий» значится „Gazeta Warszawska”. Далее этот список повторяется в делопроизводстве абсолютно без изменений. Однако заседание 2 мая 1830 г., вопреки данному ранее списку и установленному в Уставе разрешению на печать сведений из „Gazeta Warszawska” [9, с. 563], выносит следующее решение: «Заседание комитета, соображая, что, хотя Царство Польское, равно и

Великое Княжество Финляндское есть также части политического состава России, но так как они присутствуют на других основаниях, то и положило: господину цензору ... надлежит допускать политические известия, взятые из журналов и газет в России издаваемых, за исключением тех, которые издаются в Царстве Польском и Великом Княжестве Финляндском» [25, л. 13]. Такое решение цензурного комитета говорит о настороженном отношении даже к легально публикуемым в Царстве Польском и Великом Княжестве Финляндском изданиях. К тому же, в условиях, когда цензор обязан сверять текст курируемого им издания с источником, чтобы как минимум удостовериться в правильности перевода чинов, должностей и званий [9, с. 563], выписывание и проверка цензором «Варшавской Газеты» выглядит делом затруднительным.

После Ноябрьского восстания „Tygodnik Petersburgski” начинает привлекать гораздо большее внимание цензуры. Происходит это не только потому, что после ноября 1830 г. последовательно ужесточается контроль Третьего отделения над всеми печатными изданиями, но и в силу задумки А. Х. Бенкендорфа сделать „Tygodnik” рупором имперской идеи для польскоязычных граждан. 23 января 1832 г. Бенкендорф пишет отношение на имя князя

Карла Андреевича Ливена, в котором предлагает, «чтобы в одной [газете Tygodnik] помещаемы были все акты и Высочайшие постановления, относящиеся к Царству Польскому» [15, л. 1]. Это прошение равносильно признанию еженедельника официальной (правительственной) газетой. Указом Ливена прошение генерал-адъютанта было удовлетворено. Кроме прочего, журнал перешел в прямое ведение Бенкендорфа и, следовательно, ведение Третьего отделения (что, впрочем, не снимало с журнала цензуру) [25, л. 14]. Поэтому дальнейшие дела, касающиеся журнала и рассмотренные Главным управлением цензуры, непосредственно иллюстрируют конструирование образа имперской власти в официальной прессе. Так, 24.03.1836 г. Бенкендорф пишет отношение в Министерство народного просвещения с предложением не публиковать в журнале «ни выговоры, ни замечания, делаемые в высочайших приказах, лицам военного ведомства за упущения по службе, ниже конфирмации по военно-судным делам» [20, л. 1]. 29.03. Министерство дает согласие на подобную цензуру высочайших приказов [25, л. 20]. Опасаясь лишней дискредитации государственных чинов в среде потенциальной политической нестабильности, российские власти прибегли к репрезентации идеального образа

Российской империи для польскоязычных читателей.

При этом в деле выстраивания образа Российской империи отношения между редакцией журнала и цензорами ГУЦ не были гладкими. Так, 1 декабря 1834 г. в редакцию пришло замечание следующего содержания: «Корректуру 90-го номера ... [цензор] в чистых листах, выпущенных уже в свет, заметил, что в статье о ярмарках в 1834 г., вымаранные им в трёх местах слова *Kupcow z Rossiji* – оставлены в чистых номерах, тогда как вместо тех слов следовало сказать *Купцов из Внутренних губерний*» [25, л. 19]. Едва ли причина данного эксцесса кроется в намеренном подчёркивании особенного положения Царства Польского – скорее имело место невнимательность редактора или укоренённость у него представления о Польше как об отдельном политическом организме (несмотря на известную монархически - охранительную позицию Пржецлавского). Тем не менее речь идёт об оплошности, чреватой выговорами или даже увольнением для петербургских цензоров. Поэтому незамедлительно начинается разбирательство: «О таковой неисправности цензор тогда же дошёл до сведения комитета. Комитет со своей стороны находя сделанное цензором в корректурном листе исправление весьма справед-

ливым, поручил Канцелярии своей известить о сем Вас и предложить на будущее время наблюдать большую осмотрительность и строгость в отношении делаемых цензурою исправлений; в противном случае, по первому заявлению цензора, комитет вынужден будет донести высшему начальству» [25, л. 19]. Примечательным здесь является и стремление исключить малейший намёк на сепаратизм, и формулировка «комитет нашёл исправление весьма справедливым», говорящая о консенсусе чиновников по этому вопросу. Игрет роль и распространённая среди цензоров боязнь получить выговор, заставлявшая их скрупулёзно искать в цензурируемых материалах недопустимые выражения [26, с. 143].

25 апреля 1848 года председателю Петербургского цензурного комитета Мусину-Пушкину была отправлена докладная записка цензора Срезневского, в которой тот дал оценку настроениям в редакции *Tygodnik'a*: «редакция ... желала бы, как кажется, сохранить свободу выбора» [25, л. 24]. Ниже мы увидим из письма Пржецлавского Срезневскому то, в каких подчёркнуто лояльных формах выражалось недовольство цензурой. Тем временем цензор пишет, что «газета польская не может [обладать] особыми преимуществами перед русскими» [25, л. 24] не редактору журнала, а председате-

лю цензурного комитета. Целью письма является не только доведение до начальства сведений о редакции журнала, но и просьба разрешить неоднозначность в вопросе цензурных ограничений. Сперва Срезневский пишет: «В последнее время не были допущены в этой газете статьи, в которых особенною подробностью излагались требования западных мятежников, равно и те, в которых описывалось участие поляков в политических беспокорствах. Честь имею впрочем доложить, что таких статей, мною недопущенных, в *Тыгоднике* было до сих пор очень немного» [25, л. 24]. Здесь идет речь о революционных событиях с участием поляков во время «Весны народов» и проблеме их освещения. Редакция журнала видела необходимым сообщать читателям о революционных событиях, но цензура сомневалась в том, стоит ли посвящать этому целые статьи. «Тем не менее редактор *Тыгодника*, находя направление цензуры для себя стеснительным, и политические статьи о событиях польских необходимыми, желал бы уравновесить газету свою с „Газетой Варшавской“, в которой действительно события в Познани описываются довольно подробно» [25, л. 24]. Заметим, что редактор ориентируется не на «внутренние издания», а на периодику Царства Польского и российского

МИДа [25, л. 30]. Наконец, идёт речь о просьбе в разрешении неоднозначности: «Не имея сам никакого права на это, я осмеливаюсь побеспокоить Ваше Превосходительство просьбою о ходатайствовании правил, которыми я должен руководствоваться при цензурировании Тыгодника: могу ли я допускать безо всякого изъятия в Тыгоднике все, что печатается в Journal de St.-Pétersbourg и в газетах русских, - и если не все, на какие предметы должен обращать большее внимание, особенно какого направления должен держаться я в допущении известий о событиях польских?» [25, л. 25]. Главным вопросом здесь именно в разъяснении регламента. Чиновники аппарата цензуры на местах не до конца понимают политический курс, но имеют представление, что публикация в польском журнале известий о революционных событиях может быть расценена вышестоящими инстанциями как недопустимая, даже не взирая на то, что у журнала есть все формальные права публиковать информацию, уже допущенную до печати в других периодических изданиях Российской империи. Как видно из дальнейшего делопроизводства, просьба разъяснить регламент достигла графа Уварова [25, л. 28].

Любопытны замечания редактора „Tygodnik St.Petersburski” О. Пржецлавского о работе цензурного коми-

тета и собственно журнала, изложенные им в письме И. И. Срезневскому. Требуя разрешить печатать свидетельства из „Gazeta Warszawska” и „Journal de St.-Pétersbourg”, редактор убеждает цензора в политической благонадёжности: «Мой журнал ... имеет неизменный характер: это журнал вполне консервативный и монархический в политическом отношении; ... неумолимо противоборствует всем вредным и опасным нововведениям, преследует ложные современные понятия; ... в области литературы и критики старается противостоять дурному вкусу и безнравственности, которыми в последние 15 лет преимущественно отличается французская беллетристика, очень заманчивая для наших славянских племен» [25, л. 32]. По причине подчёркнутой лояльности редактор обосновывает желание публиковать сводку революционных событий тем, что читателю нужны «не слухи и не догадки, а достоверные события и факты» [25, л. 30]. О. Пржецлавский справедливо не находит формальных поводов запрещать публикацию в журнале сведений, одобренных уже Министерством иностранных дел Российской империи. Более того, в публикации этих сведений он видит свой профессиональный и гражданский долг: «Как я понимаю обязанности наших журналистов в настоя-

щие смутные времена. Верховной власти угодно было, чтобы события столь шибко с начала 1848 г. следующие за собою в иностранных государствах не были скрываемы от русской публики, и с того времени строгость цензуры иностранных газет простирается не на самые факты, а лишь на нелепые толки, теории и рассуждения» [25, л. 31].

Официальным отказом на просьбу Пржецлавского Санкт-Петербургский цензурный комитет ответил только 4 декабря 1852 г., формально сославшись на старое постановление о печати внутренних изданий [25, л. 37]. Примерно в этот же период времени журнал теряет влияние среди польской интеллигенции, а вскоре (в 1858 г.) и вовсе перестаёт существовать. Авторы журнала (Г. Жевуский, М. Грабовский, И. Головинский и др.), как заметила А. Витковска, хотя и имели определенный вес как литераторы, не смогли с помощью этого издания распространить пророссийские настроения дальше литовско-русских земель [37, с. 18]. Иными словами, влияние журнала на умы жителей Царства Польского было несущественным. Однако примечательным в контексте имперской идеи является не сам журнал, а решение охранительных ведомств сделать его рупором лоялизма в среде польскоязычных подданных. Рос-

сийская власть изначально имела согласие с пророссийским кружком польской интеллигенции (т. н. «угодóвцы») [1, с. 76-77], в результате чего манифест редакции, напечатанный в первом номере журнала, совмещал лексику польского патриотизма с подчеркнутой лояльностью империи. Главным идейным посылом здесь служит тезис, что Польша непозволительно отстала от уровня европейских цивилизаций, но благодаря интеграции в Российскую империю она получает шанс наверстать упущенное [35, с. 1-2].

Что касается длительного делопроизводства, связанного с учреждением журнала, то оно было продиктовано не только сложностью и разветвлённостью николаевской бюрократической машины, но и тем, что для Петербурга учреждение польскоязычного журнала на момент 1828 г. было в новинку. Перед ведомствами стояла задача выработки прецедента, на основании которого происходила бы в последствии цензура польских изданий в столице. Министерство народного просвещения выработало принципы, которыми руководствовалось на протяжении всего николаевского периода (а большинство – и того дольше). Выделим эти принципы:

- 1) запрет на публикацию сведений, взятых не из списка одобренных журналов и газет (в список вхо-

дят издания Российской империи исключая издания Царства Польского и Великого княжества Финляндского);

2) запрет на излишне подробное освещение революционных событий или, фактически, запрет на публикацию сведений, касающихся польских революционеров;

3) недопущение в печать официальных постановлений (включая даже Высочайшие Его Императорского Величества повеления), способных негативно повлиять на образ империи в глазах польскоязычного читателя;

4) запрет на любой намёк о существовании Польши как отдельного политического организма;

5) запрет на апелляции к историческим образам польского республиканизма, дворянской политической культуры.

Одни тенденции уникальны для «польского вопроса» российской внутренней политики, другие – универсальны, и происходят из самой имперской идеи государственности. К универсальным тенденциям можно отнести регулирование проявлений сепаратизма, ограничение круг источников, из которых новостное издание могло черпать информацию, и др. ограничительные меры. Однако наряду со стремлением к имперской унификации во всей цензурной деятельности читается понимание того,

что польскоязычное население российских земель требует особого подхода. Проект следующего Устава о цензуре образца 1859 г. подразумевал выработку особых правил для Царства Польского [8, с. 173]. За период 30-50-х гг. XIX в. списки запрещенных книг на польском языке пополнялись темпами соизмеримыми с теми, какими росли списки французско- и немецкоязычных изданий (по этой причине в 1853 г. были изданы два отдельных списка польскоязычных изданий [4, с. 161] – в сумме 474 наименования). При этом публикационная активность периодической печати на польском языке падает: за 30-е гг. количество зарегистрированных польских журналов и газет сокращается на треть [32, с. 35]. И если в период царствования Александра I цензурные ограничения польскоязычных изданий касались исключительно социально-политических сюжетов [1, с. 91], и не выделялись из общеимперского контекста, то в рассматриваемый нами период появляются национально-идеологические обоснования запретов печати. Вспомним также те общественные настроения, которые побудило Ноябрьское восстание, и которые дали силу дальнейшей антипольской компании, инициированной николаевской властью [27, с. 102].

Описанные тенденции повлияли на дальнейшее оформление цензурных ограничений польскоязычных изданий. Новый виток ужесточения охранительных порядков относится к периоду после Январского восстания 1863-1864 гг., когда в отношении Царства Польского фактически была установлена двойная предварительная цензура, подразумевавшая проверку корректурных листов сперва в Варшавском цензурном комитете, а после – отправку их в Комитет цензуры иностранной в Санкт-Петербурге [7, с. 95]. На примере журнала „Tygodnik St.Petersburski” мы видим, что тенденция к двухуровневой цензуре польскоязычных изданий проявилась ещё раньше: с января 1831 г. по январь 1832 г. сре-

ди прочих обязанностей попечителя Санкт-Петербургского учебного округа была проверка корректурных листов журнала „Tygodnik” после того, как их просмотрел цензор Санкт-Петербургского цензурного комитета [12, л. 2].

Радикальным продолжением ограничительных мер в Северо-Западном крае стал циркуляр 1866 г., запретивший всякое издание польскоязычной литературы за исключением молитвенников [2, с. 274]. По сути, это решение стало признанием неэффективности всей предыдущей политики народного просвещения, заключавшегося в попытках контролировать печать на польском языке, не прибегая к запрету использования самого языка.

Список литературы и источников:

1. Долбилов М., Миллер А. Западные окраины Российской империи. М.: Новое литературное обозрение, 2006. 608 с.
2. Долбилов М. Русский край, чужая вера: этноконфессиональная политика империи в Литве и Белоруссии при Александре II. М.: Новое литературное обозрение, 2010. 1000 с.
3. Измозик В. С. Служба перлюстрации при Николае I (1825-1855 гг.) // Цензура в России: история и современность. Выпуск 6. СПб.: Изд-во «Российская национальная библиотека», 2013. С. 167-178.
4. Комиссарова Е. В. Цензура польской книги в Российской империи в период между двумя восстаниями (1831-1863 гг.): по материалам коллекции книг из Комитета цензуры иностранной в Библиотеке Российской Академии наук // Цензура в России: история и современность. Выпуск 6. СПб.: Издательство «Российская национальная библиотека», 2013. С. 159-166.
5. Кулакова Е. А. «Что нужно Лондону, то рано для Москвы ...»: иностранные книги в российском обществе второй четверти XIX в. // Цензура в России: история и современность. Выпуск 6. СПб.: Издательство «Российская национальная библиотека», 2013. С. 179-191.
6. Лемке М. К. Николаевские жандармы и литература 1826-1855 годов. 2-е изд. СПб.: изд. С. В. Бунина, 1909. 614 с.

7. Луферчик Е. Г. Препятствия стремлению «возбуждать умы и вселять в них недоверие»: русские журналы и цензура во время восстания 1863-1864 гг. // Славянский альманах. № 1-2, 2017. С. 94-99.

8. Патрушева Н. Г. Цензурное ведомство в государственной системе Российской империи во второй половине XIX – начале XX века. СПб: Северная звезда, 2013. 620 с.

9. ПСЗРИ: Собр. 2. СПб., 1830. Т. 1. № 403.

10. РГИА. Ф. 733. Оп. 87. Д. 65.

11. РГИА. Ф. 772. Оп. 1. Д. 165.

12. РГИА. Ф. 772. Оп. 1. Д. 292.

13. РГИА. Ф. 772. Оп. 1. Д. 318.

14. РГИА. Ф. 772. Оп. 1. Д. 371.

15. РГИА. Ф. 772. Оп. 1. Д. 395.

16. РГИА. Ф. 772. Оп. 1. Д. 437.

17. РГИА. Ф. 772. Оп. 1. Д. 456.

18. РГИА. Ф. 772. Оп. 1. Д. 722.

19. РГИА. Ф. 772. Оп. 1. Д. 796.

20. РГИА. Ф. 772. Оп. 1. Д. 869.

21. РГИА. Ф. 772. Оп. 1. Д. 1088.

22. РГИА. Ф. 772. Оп. 1. Д. 1090.

23. РГИА. Ф. 772. Оп. 1. Д. 1693.

24. РГИА. Ф. 772. Оп. 1. Д. 1853.

25. РГИА. Ф. 777. Оп. 1. Д. 959.

26. Фут И. П. Контрцензура: авторы против цензоров в России XIX в. // Книжное дело в России в XIX — начале XX века: сб. науч. тр. / сост. Н. Г. Патрушева, И. И. Фролова; ред. М. А. Бенина, Н. Г. Патрушева, И. И. Фролова. СПб.: РНБ, 2004. Выпуск 12. С. 120-168.

27. Хорев В. А. Роль польского восстания 1830 г. в утверждении негативного образа Польши в русской литературе // Поляки и русские: Взаимопонимание и взаимонепонимание. М.: Индрик, 2000. С. 100–109.

28. Adrianek M. Losy książek szkolnych w Królestwie Polskim po powstaniu listopadowym // Roczniki Biblioteczne. R. XXIV, z. 1. Lublin, 1980. S. 222. S. 221-256.

29. Bałabuch H. Cenzura a rusyfikacja. Tożsamość czy podobieństwo celów i metod? (Uwagi na przykładzie polskiej prasy prowincjonalnej końca XIX wieku) // Annales Universitatis Mariae Curie-Skłodowska. Vol. 52/53 (1997/1998). S. 177-200.

30. Historia Polski w Liczbach / red. Jezierski A. Warszawa: Zakład Wydawnictw Statystycznych, 1994. 222 s.

31. Inglot M. Antysarmacki pamflet carskiego agenta // Teksty: teoria literatury, krytyka, interpretacja. Nr 3 (21), 1975. S. 141-147.

32. Kołasa W. M., Jarowiecki J. Najważniejsze polskie gazety do wybuchu pierwszej wojny światowej w kontekście zabezpieczenia ich dla potomnych (charakterystyka, badania, zasoby) // Gazety: zasoby, opracowanie, ochrona, digitalizacja, promocja/informacja. Materiały z międzynarodowej konferencji naukowej. Poznań, 2006. S. 25-53.

33. Koropeckyj R. R. Adam Mickiewicz: The Life of a Romantic. New York: Cornell University Press, 2008. 536 p.

34. Szajdecka M. Firma wydawniczo-księgarska Kazimierza Szczepańskiego 1800–1855 // *Studia z dziejów drukarstwa i księgarstwa w Lublinie w XIX i XX wieku*. Lublin, 1988. S. 73–91.
35. Tygodnik Petersburski. No 1. Petersburg, 15 stycznia 1830. 8 s.
36. Winek T. „Długi mój pobyt w Rosji nauczył mię zbytnej ostrożności...”. Pisarze wobec cenzury w latach trzydziestych XIX wieku // *Sztuka Edycji*. Vol. 7 (2015). S. 9-20.
37. Witkowska A., Przybylski R. *Romantyzm*. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN, 1997. 743 s.

References:

1. Dolbilov M., Miller A. *Zapadnye okrainy Rossijskoj imperii* [The Western Borderlands of the Russian Empire]. Moscow: Novoe Literaturnoe Obozrenie, 2006. 608 p.
2. Dolbilov M. *Russkij kraj, chuzhaja vera: jetnokonfessional'naja politika imperii v Litve i Belorussii pri Aleksandre II* [Russian Country, Foreign Faith: Empire's Ethno-confessional Policy in Lithuania and Belarus under Alexander II]. Moscow: Novoe Literaturnoe Obozrenie, 2010. 1000 p.
3. Izmozik V. S. *Sluzhba perljustracii pri Nikolae I (1825-1855 gg.)* [Perlustration service under Nicholas I (1825-1855)] // *Cenzura v Rossii: istorija i sovremennost'* [Censorship in Russia: history and modernity]. Issue 6. Saint Petersburg: The National Library of Russia Publ., 2013. pp. 167-178.
4. Komissarova E. V. *Cenzura pol'skoj knigi v Rossijskoj imperii v period mezhdu dvumja vosstaniem (1831-1863 gg.): po materialam kollekcii knig iz Komiteta cenzury inostrannoju v Biblioteke Rossijskoj Akademii nauk* [Censorship of Polish books in the Russian Empire in the period between two uprisings (1831-1863): based on the collection of books from the Foreign Censorship Committee in the Library of the Russian Academy of Sciences] // *Cenzura v Rossii: istorija i sovremennost'* [Censorship in Russia: history and modernity]. Issue 6. Saint Petersburg: The National Library of Russia Publ., 2013. pp. 159-166.
5. Kulakova E. A. «Chto nuzhno Londonu, to rano dlja Moskvy ...»: inostrannye knigi v rossijskom obshhestve vtoroj chetverti XIX v. ["What London Needs is Early for Moscow ...": Foreign Books in Russian Society in the Second Quarter of the 19th Century] // *Cenzura v Rossii: istorija i sovremennost'* [Censorship in Russia: history and modernity]. Issue 6. Saint Petersburg: The National Library of Russia Publ., 2013. pp. 179-191.
6. Lemke M. K. *Nikolaevskie zhandarmy i literatura 1826-1855 godov* [Nicholas' gendarmes and literature of 1826-1855]. 2nd edition. Saint Petersburg: S. V. Bunin's publishing house, 1909. 614 p.
7. Luferschik E. G. *Prepjatstvuja stremleniju «vozbuzhdat' umy i vseljat' v nih nedoverie»: russkie zhurnaly i cenzura vo vremja vosstanija 1863-1864 gg.* [Preventing the aspiration "to agitate people's minds and to instill disbelief": Russian magazines and censorship during the uprising of 1863-1864] // *Slavjanskij al'manah*. № 1-2, 2017. pp. 94-99.
8. Patrusheva N. G. *Cenzurnoe vedomstvo v gosudarstvennoj sisteme Rossijskoj imperii vo vtoroj polovine XIX – nachale XX veka* [Censorship department in the state system of the Russian Empire in the second half of the XIX - early XX century]. Saint Petersburg: Severnaja zvezda, 2013. 620 p.

9. PSZRI [Complete collection of laws of the Russian Empire]: Corpus 2nd. Saint Petersburg, 1830. T. 1. № 403.
10. RGIA. F. 733. Op. 87. D. 65.
11. RGIA. F. 772. Op. 1. D. 165.
12. RGIA. F. 772. Op. 1. D. 292.
13. RGIA. F. 772. Op. 1. D. 318.
14. RGIA. F. 772. Op. 1. D. 371.
15. RGIA. F. 772. Op. 1. D. 395.
16. RGIA. F. 772. Op. 1. D. 437.
17. RGIA. F. 772. Op. 1. D. 456.
18. RGIA. F. 772. Op. 1. D. 722.
19. RGIA. F. 772. Op. 1. D. 796.
20. RGIA. F. 772. Op. 1. D. 869.
21. RGIA. F. 772. Op. 1. D. 1088.
22. RGIA. F. 772. Op. 1. D. 1090.
23. RGIA. F. 772. Op. 1. D. 1693.
24. RGIA. F. 772. Op. 1. D. 1853.
25. RGIA. F. 777. Op. 1. D. 959.
26. Fut I. P. Kontrcenzura: avtory protiv cenzorov v Rossii XIX v. // Knizhnoe delo v Rossii v XIX — nachale XX veka: sb. nauch. tr. / comp. N. G. Patrusheva, I. I. Frolova; red. M. A. Benina, N G. Patrusheva, I. I. Frolova. Saint Petersburg: The National Library of Russia Publ., 2004. Issue 12. pp. 120-168.
27. Horev V. A. Rol' pol'skogo vosstaniya 1830 g. v utverzhdenii negativnogo obraza Pol'shi v russkoj literature [The role of the Polish uprising of 1830 in establishing the negative image of Poland in Russian literature] // Poljaki i ruskie: Vzaimoponimanie i vzaimoneponimanie [Poles and Russians: mutual understanding and mutual misunderstanding]. Moscow: Indrik, 2000. pp. 100–109.
28. Adrianek M. Losy ksiązek szkolnych w Królestwie Polskim po powstaniu listopadowym // Roczniki Biblioteczne. R. XXIV, z. 1. Lublin, 1980. S. 222. S. 221-256.
29. Bałabuch H. Cenzura a rusyfikacja. Tożsamość czy podobieństwo celów i metod? (Uwagi na przykładzie polskiej prasy prowincjonalnej końca XIX wieku) // Annales Universitatis Mariae Curie-Skłodowska. Vol. 52/53 (1997/1998). S. 177-200.
30. Historia Polski w Liczbach / red. Jezierski A. Warszawa: Zakład Wydawnictw Statystycznych, 1994. 222 s.
31. Inglot M. Antysarmacki pamflet carskiego agenta // Teksty: teoria literatury, krytyka, interpretacja. Nr 3 (21), 1975. S. 141-147.
32. Kolasa W. M., Jarowiecki J. Najważniejsze polskie gazety do wybuchu pierwszej wojny światowej w kontekście zabezpieczenia ich dla potomnych (charakterystyka, badania, zasoby) // Gazety: zasoby, opracowanie, ochrona, digitalizacja, promocja/informacja. Materiały z międzynarodowej konferencji naukowej. Poznań, 2006. S. 25-53.
33. Koropeckyj R. R. Adam Mickiewicz: The Life of a Romantic. New York: Cornell University Press, 2008. 536 p.

34. Szajdecka M. Firma wydawniczo-księgarska Kazimierza Szczepańskiego 1800–1855 // *Studia z dziejów drukarstwa i księgarstwa w Lublinie w XIX i XX wieku*. Lublin, 1988. S. 73–91.
35. *Tygodnik Petersburski*. No 1. Petersburg, 15 stycznia 1830. 8 s.
36. Winek T. „Długi mój pobyt w Rosji nauczył mię zbytniej ostrożności...”. *Pisarze wobec cenzury w latach trzydziestych XIX wieku // Sztuka Edycji*. Vol. 7 (2015). S. 9-20.
37. Witkowska A., Przybylski R. *Romantyzm*. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN, 1997. 743 s.